

УДК 339.54.012

Андреева Кристина Михайловна, Оперуполномоченный Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК) УМВД России по Вологодской области, Россия

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И
ВАРИАНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ**

Аннотация

В статье анализируется структура и изменения преступности среди несовершеннолетних во время специальной военной операции. Особое внимание уделено вовлечению подростков в действия, направленные на подрыв экономики и обороноспособности России, в частности диверсиям, а также росту киберпреступности экстремистского характера через социальные сети и мессенджеры. Автор рассматривает новые причины криминального поведения подростков и предлагает меры по улучшению ранней профилактики в молодежной среде с учетом специфики работы подразделений УБК.

Annotation

This article analyzes the structure and changes in juvenile delinquency during the special military operation. Particular attention is paid to the involvement of adolescents in actions aimed at undermining the economy and defense capability of Russia, specifically sabotage, as well as the rise in extremist cybercrime via social networks and messengers. The author examines new causes of criminal behavior among minors and proposes measures to improve early prevention within the youth environment, taking into account the specific operational aspects of the Department

for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies (UBK) units

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, специальная военная операция, профилактика преступлений, информационные технологии, диверсия, киберпреступность, УБК, девиантное поведение

Keywords: juvenile delinquency, special military operation, crime prevention, information technologies, sabotage, cybercrime, UBK, deviant behavior

Тема актуальна в нынешних реалиях, поскольку преступность среди несовершеннолетних сильно влияет на состояние закона и общественной безопасности в долгосрочной перспективе. Как отмечал В. А. Маслов, подростковая преступность – самая изменчивая часть всей преступности и быстро реагирует на социальные потрясения и изменения в государстве [6]. Специфика текущей геополитической обстановки обуславливает возникновение новых негативных условий, оказывающих непосредственное влияние на социально-психологические установки молодежной среды.

Официальная статистика фиксирует снижение числа осуждённых подростков — примерно на 6,5% в 2024 году, — однако количество тяжких и особо тяжких преступлений при этом растёт [7]. Материалы МВД и Следственного комитета за 2023–2024 годы отражают заметную активизацию вовлечения несовершеннолетних в диверсионную и киберпреступную деятельность. Как указывает О.А. Рыжова, именно в подростковом возрасте психологическое отчуждение достигает своего пика, что существенно повышает уязвимость молодых людей перед воздействием иностранных спецслужб [9]. Среди новых форм такого вовлечения особого внимания заслуживают диверсии на объектах транспортной инфраструктуры и кибератаки экстремистской направленности — явления, ещё недавно практически не связывавшиеся с несовершеннолетними.

Закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» создавался в другую эпоху — и это

чувствуется [2]. Гибридные угрозы, с которыми сталкиваются подростки сегодня, в нём попросту не предусмотрены. Зарубежные спецслужбы и экстремистские структуры давно освоили мессенджеры и чат-боты, как инструмент вербовки, причём целенаправленно работают именно с несовершеннолетними — как с потенциальными исполнителями тяжких преступлений. Правда, масштаб этого явления стал очевиден сравнительно недавно. По мере того, как цифровая среда развивалась, формировались и принципиально новые криминогенные факторы, которые прежде либо отсутствовали, либо не проявлялись настолько отчётливо.

Цель статьи – проанализировать современные причины преступности среди несовершеннолетних в условиях специальной военной операции и предложить научно обоснованные рекомендации по улучшению ранней профилактики внутри молодежной среды.

Научная новизна статьи в выявлении новых рисков, связанных с изменениями социально-психологического давления на подростков, а также необходимости объединять меры цифровой гигиены и военно-патриотического воспитания внутри системы по профилактике преступлений.

Анализ преступности среди подростков с 2022 по 2024 год показывает противоречивые тенденции. По данным Верховного Суда, общее число осужденных несовершеннолетних уменьшилось, однако это не отражает всю картину [1]. При детальном рассмотрении видно, что меняется качество преступлений: растет доля тяжких и особо тяжких преступлений, особенно насильственных и против общественной безопасности, несмотря на общее снижение краж и грабежей. Если в начале 80-х гг. XX в. большую часть преступлений несовершеннолетних относили к так называемым «досуговым преступлениям», то сегодня отмечаем значительно высокую долю групповых преступлений и деяний против государственной безопасности [2].

Преступления с применением информационных технологий становятся все более заметными и существенными. Работа УБК показывает, что многие подростки перешли в виртуальную среду и участвуют в дистанционных

схемах сбыта наркотиков и кибермошенничества, выступая как посредники или технические исполнители [1]. За время специальной военной операции выросло число попыток вовлечения несовершеннолетних в диверсии на важных транспортных и энергетических объектах. Если раньше экстремизм среди молодежи был больше стихийным и уличным, теперь он управляется через зарубежных кураторов в мессенджерах и игровых сообществах.

Украинские спецслужбы стали чаще пытаться вербовать молодых людей в России для дальнейшего совершения ими терактов и других противоправных действий. Например, в Ростовской области был задержан несовершеннолетний националист, который готовил теракты в школах по заданию Службы безопасности Украины (СБУ) и завербовал около 800 человек. Также известны случаи задержания школьников, собиравшихся совершать диверсионные действия на железной дороге за небольшие деньги по заданию СБУ. Подобных примеров – многие десятки, что свидетельствует о тенденции использования российской молодёжи для дестабилизации ситуации в России [10].

Психоэмоциональное состояние подростков изменилось: общественно-политическая ситуация вызывает тревожность и раздоры, которые в отсутствие контроля со стороны родителей и школ способствуют радикализации. Экономическая сторона тоже играет роль. Обещания быстрого заработка (от 5 до 30 тысяч рублей за акты саботажа или распространение ложной информации) привлекают подростков из трудных семей [4]. Так, сейчас преступность несовершеннолетних смещается от уличных форм к более технологическим и опасным для государства действиям. Это требует пересмотра традиционных профилактических и оперативных методов.

Вологодская область, как крупный транспортный узел Северо-Запада, особенно уязвима. Через регион проходят важные железнодорожные линии, что делает местную молодежь приоритетной целью зарубежной деструктивной пропаганды [5]. В рамках профилактики УБК приоритетом должны стать молодежные сообщества в крупных индустриальных центрах –

Вологде и Череповце. Особенно уязвимы районы с ключевыми железнодорожными магистралями: Вологодский, Грязовецкий, Шекснинский. Там надо усилить разъяснительную работу и раннее выявление признаков радикализации в локальных интернет-сообществах.

Технологии и механизмы дистанционного вовлечения подростков в преступную деятельность.

Во время специальной военной операции способы вовлечения несовершеннолетних сильно изменились и перешли в цифровую сферу. Если раньше вовлечение в криминальные структуры происходило преимущественно через личное общение — во дворе, в школе, в неблагополучном окружении, — то теперь этот процесс во многом перенесён в онлайн-пространство. Мессенджеры, игровые платформы, социальные сети стали рабочим инструментом тех, кто целенаправленно ищет уязвимых подростков.

Вербовка, как правило, не начинается с прямого предложения совершить что-то противозаконное. Сначала устанавливается доверие: взрослый или более старший участник группы входит в роль «старшего друга», демонстрирует понимание, предлагает помощь, разделяет интересы подростка. Этот этап может растянуться на недели. Важно понимать: к моменту, когда звучит первая просьба криминального характера, психологическая зависимость от нового «наставника» уже сформирована.

Среди конкретных механизмов воздействия особо выделяется так называемый метод постепенной нормализации. Подростку сначала предлагают участие в чём-то внешне безобидном — распространить ссылку, передать незнакомцу пакет, сфотографировать здание. Каждый следующий шаг чуть серьёзнее предыдущего, и к тому моменту, когда речь заходит о явно преступных действиях, человек уже вписан в цепочку и чувствует себя соучастником. Выйти психологически труднее, чем продолжать, — и на этом расчёт [9].

Отдельного внимания заслуживают так называемые «задания с геймификацией». Преступные сети, прежде всего связанные с распространением наркотиков или экстремистскими структурами, оформляют поручения в игровой формат: уровни, очки, вознаграждения. Подросток воспринимает происходящее через привычную ему логику компьютерной игры, что существенно снижает критическое восприятие реальных последствий. Надо сказать, этот приём документально зафиксирован в материалах уголовных дел в нескольких странах, включая Россию.

Финансовая приманка работает по-разному в зависимости от социального положения подростка. Там, где семья испытывает материальные трудности, даже небольшое вознаграждение воспринимается как весомый аргумент. В более обеспеченной среде акцент смещается на статус, принадлежность к «избранным», доступ к закрытым сообществам. Механизм, по существу, один — эксплуатация дефицита, только природа этого дефицита разная.

Анонимность цифровой коммуникации создаёт у подростка иллюзию безнаказанности. Переписка в зашифрованных мессенджерах, использование псевдонимов, инструкции по удалению переписки — всё это формирует ощущение, что действия не оставляют следов. Правда, следственная практика показывает обратное: цифровые следы значительно устойчивее, чем кажется участникам схемы. Однако подросток об этом, как правило, не задумывается — и именно на этой слепой зоне строится расчёт организаторов [4].

Роль эмоциональной манипуляции в этих схемах трудно переоценить. Угрозы, шантаж компрометирующими материалами (нередко полученными в ходе той же переписки), апелляция к чувству долга перед «командой» — всё это удерживает подростка в структуре даже тогда, когда он хочет выйти. Страх разоблачения перед родителями или сверстниками зачастую оказывается сильнее страха перед уголовной ответственностью, о которой подросток имеет весьма смутное представление.

Противодействие этим механизмам требует понимания их конкретной логики — а не обобщённых предупреждений о «вреде интернета». Профилактическая работа, которая игнорирует реальные схемы вербовки, остаётся малоэффективной. Знание того, как именно устроен первый контакт, как выглядит нормализация и какие триггеры используются на каждом этапе, принципиально меняет качество и разговора с подростком, и работы специалиста [8].

Улучшение мер предупреждения преступности среди детей при современных вызовах.

Учитывая особенности причин подростковой преступности в условиях спецоперации, классические профилактические методы должны меняться. На основе опыта УБК Вологодской области предлагаются следующие меры.

Во-первых, необходимо внедрить проактивное киберпатрулирование. Использовать автоматические системы мониторинга регионального интернета с искусственным интеллектом для поиска ключевых фраз, которыми пользуются вербовщики («работа для школьников», «быстрый заработок в крипте») [6]. Это поможет выявлять набор подростков раньше, чем происходят преступления.

Во-вторых, следует реформировать «цифровую гигиену» в школах. Включить в учебные программы специальные модули против социальной инженерии. На примерах показывать, что анонимность в Telegram – миф, а участие в схемах с дроп-картами ведет к уголовной ответственности [7]. Главное не запрещать, а учить распознавать манипуляции. При формировании ценностных ориентиров и нашей национальной идеи очень важно обеспечить присутствие вокруг несовершеннолетних людей, располагающих к себе, которые могли бы разъяснять и показывать им эти основы, а также наши традиционные ценности [3].

В-третьих, нужно совмещать военно-патриотическое воспитание с правовым просвещением. Работа с «Юнармией» и кадетскими классами показала эффективность воспитания иммунитета к враждебной пропаганде.

Можно развивать наставничество, где сотрудники МВД выступают как эксперты по безопасности, а не только как контролеры. В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних, органы образования и здравоохранения, органы внутренних дел и другие, и их скоординированная деятельность необходима для снижения уровня преступности [8].

Также важно законодательно ужесточить ответственность за передачу банковских данных третьим лицам и предусмотреть для несовершеннолетних обязательное обучение финансовой и правовой грамотности при первом выявлении участия в сомнительных операциях. Необходимо работать с семьями участников СВО: создать психологическую поддержку в школах для детей военнослужащих, что поможет снижать риск вовлечения подростков в деструктивные сообщества. Профилактика совершения преступлений основывается на принципах гуманного отношения к детям, демократии и поддержки семьи, а также на индивидуальном подходе к каждому несовершеннолетнему [3].

Реализация этих мер даст возможность перейти к предупреждению преступлений, а не просто бороться с их последствиями. Важно в условиях профилактики такого рода преступлений особый акцент сделать на ее предупреждении, на оказании социальной помощи несовершеннолетним и их семьям, что в большинстве случаев показывает высокие результаты [2]. Только совместная работа МВД, образования и гражданского общества сможет эффективно противостоять этим вызовам и защитить молодое поколение от вовлечения в преступные схемы.

В заключении можно сказать, что преступность несовершеннолетних в условиях специальной военной операции качественно изменилась. Главная опасность – это не рост числа правонарушений, а их радикализация и проникновение в цифровую среду. Анализ работы правоохранителей, в том числе УБК Вологодской области, показывает систематическую работу по вовлечению российских подростков в диверсии и экстремизм [1].

Использование игровых методов, криптовалютных платежей и психологического воздействия направлено на технически подкованную, но социально неустойчивую молодежь.

Основные выводы: несмотря на снижение общей судимости подростков, растет доля особо тяжких преступлений против государства; особенности региона как транспортного узла требуют усиленного контроля молодежных ИТ-сред для недопущения саботажей; система профилактики нуждается в цифровом обновлении: внедрении киберпатрулирования, обновлении образовательных программ и законодательном контроле финансовых операций. Борьба с подростковой преступностью не всегда сопровождается уголовным наказанием, но при вовлечении в террористическую деятельность ответственность может составлять от 10 лет лишения свободы до пожизненного заключения. Только совместная работа МВД, образования и гражданского общества сможет эффективно противостоять этим вызовам и защитить молодое поколение от вовлечения в преступные схемы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
3. В России снизилось количество осужденных несовершеннолетних // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/311057248.html (дата обращения 24.03.2026).
4. Жидяева Е. С. Специфика мотивационных причин преступности несовершеннолетних / Жидяева Е. С. / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2. — С. 112–118.

5. Лыков Э. Н. К вопросу о проблемах противодействия преступности несовершеннолетних / Лыков Э. Н., Тищенко И. В. / Юридическая наука и практика. — 2022. — № 3. — С. 45–51.
6. Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России / Маслов В. А / Lex Russica. — 2025. — Т. 78, № 3. — С. 98–119.
7. Позднякова М. Е. Деструктивное и криминальное поведение подростков в современной России: основные тенденции / Позднякова М. Е., Брюно В. В. / Юридическая психология и безопасность. — 2022. — № 4. — С. 22–31.
8. Рогова Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: возможности «больших данных» (Big Data) / Рогова Е. В., Демидова-Петрова Е. В. / Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 78–85.
9. Рыжова, О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях / О. А. Рыжова // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 2(30). — С. 131–143. — DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-2-15.
10. Украинские спецслужбы стали чаще пытаться вербовать молодых людей в России для дальнейшего совершения ими терактов и других противоправных действий // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vounb.ru/events/rubrics/novyuy-istochnik-ugroz/> (дата обращения 24.03.2026).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 11.03.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (as amended on

25.12.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.

3. The number of convicted juveniles has decreased in Russia [Electronic resource] // RAPSINews. – Access mode: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/311057248.html (date of access: 24.03.2026).
4. Maslov V.A. The impact of the special military operation on crime in Russia // Lex Russica. 2025. Vol. 78, No. 3. P. 98-119.
5. Ryzhova O.A. Features of juvenile delinquency and preventive measures in modern conditions // Science. Society. State. 2020. Vol. 8, No. 2(30). P. 131-143. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-15.
6. Lykov E.N., Tishchenko I.V. On the issue of problems of countering juvenile delinquency // Legal Science and Practice. 2022. No. 3. P. 45-51.
7. Rogova E.V., Demidova-Petrova E.V. Prevention of juvenile delinquency: possibilities of "Big Data" // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 78-85.
8. Zhidyaeva E.S. Specifics of motivational causes of juvenile delinquency // Actual Problems of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 2. P. 112-118.
9. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Destructive and criminal behavior of adolescents in modern Russia: main trends // Legal Psychology and Safety. 2022. No. 4. P. 22-31.
10. Ukrainian special services have increasingly attempted to recruit young people in Russia for the subsequent commission of terrorist acts and other unlawful activities [Electronic resource] // VOUNB. – Access mode: <https://www.vounb.ru/events/rubrics/novyy-istochnik-ugroz/> (date of access: 24.03.2026).